

Поѣздка на святкахъ изъ Кронштадта въ Петроградъ.

1913 года 27 декабря крайняя необходимость призывала немедленно въ Петроградъ. Въ 6 часовъ утра я отправился до Ораніенбаума на чухонской легкой одиночкѣ. Дорога была ровная, раскатанная.

Молодая сытая лошадка рѣзво и скоро перебѣжала заливъ. Въ полчаса седьмого я уже сидѣлъ въ поѣздѣ, отправляющемся въ Петроградъ. Кругомъ было все тихо и казалось, что природа вполне гармонировала съ утреннимъ покоемъ и дремотой еще непроснувшихся людей.

Справивъ въ Петроградъ свое неотложное дѣло, я вернулся въ Ораніенбаумъ въ половинѣ третьяго часа дня.

Стояла непроглядная тьма; дулъ зловѣщій холодный вѣтеръ; началась страшная вьюга, злая снѣжная буря. Всѣ сани уже были разобраны, когда я вышелъ изъ вагона на дебаркадеръ желѣзной дороги. На мое счастье или несчастье прибылъ пассажиръ изъ Кронштадта. Не когда было разсуждать, надо было спѣшить. За двойную плату противъ установленной таксы извозчикъ согласился доставить меня въ Кронштадтъ. Дни были праздничные: тянуло домой, не хотѣлось ночевать въ чужой хатѣ. Опасаться было нечего: мѣстность всемъ хорошо знакомая, дорога прямая и недолгая. Да „на міру и смерть красна“. Какъ было не пренебречь опасностію? Вслѣдъ за извозчиками санями, тянувшими непрерывной цѣпью по заливу, поѣхалъ и я. Всѣхъ извозчиковъ было около двадцати. Сначала всѣ ѣхали бодро и увѣренно. Черезъ часъ безуспѣшной ѣзды самоувѣренность въ возницахъ пропала, явилось безпокойство, не заблудились ли они. Взволнованные извозчики стали метаться изъ сторону въ сторону, нѣсколько разъ останавливались, сходились вмѣстѣ, сговаривались, совѣтовались, опять продолжали ѣхать уже шагомъ, безцѣльно и не зная куда. Наконецъ, услышавъ свистокъ Ораніенбаумскаго желѣзнодорожнаго паровоза, всѣ извозчики въ послѣдній разъ остановились и единогласно рѣшили ѣхать обратно въ Ораніенбаумъ. Въ это время ѣхавшіе впереди меня парные сани опрокинулись: просили помощи. Пока мой извозчикъ помогалъ поднимать ихъ, всѣ другіе попутчики скрылись во тьмѣ ночной. Вьюга выла, вѣтеръ вистѣлъ, рвалъ и быстро заметалъ путь; тьма висѣла непроглядная. Проѣхавъ нѣсколько времени шагомъ, лошади стали предъ горой нагроможденнаго льда. Впередъ ѣхать было не возможно, а въ сторону безцѣльно и опасно, да и лошади устали. Въ пути мы находились уже шесть часовъ. Вѣтеръ пронизывалъ насквозь и заметалъ снѣгомъ. Стоимъ мы часъ.... два.... Члены тѣла начали коченѣть и стало клонить ко сну.

Мысль, что ты замерзаешь и что нѣтъ тебѣ никакого спасенія, приводила въ отчаяніе и поражала ужасомъ неожиданной смерти.

Оставалось одно: положиться на волю Божию. Не видя избавленія отъ неминуемой гибели, грѣшная душа горячо и усердно молила Господа простить все ея вольныя и невольныя согрѣшенія и принять ее съ миромъ.

Но Всемогущій Господь былъ милостивъ къ намъ и не допустилъ погибнуть. Внезапно появился на небѣ отблескъ луны. Я послалъ извозчика посмотреть кругомъ и за ледяной горой, не видно ли гдѣ огня. Къ общей нашей радости, мы увидѣли въ полутора верстѣ отъ себя Кронштадтскій прожекторъ. Изъ глубины души вознеся къ Господу искренній благодаренія за свое спасеніе, черезъ 15 минутъ я уже звонилъ обледѣвшими и окоченѣвшими руками у подвѣзда своей квартиры. Выѣхавъ изъ Ораніенбаума въ 3 часа дня, я прибылъ домой только въ половинѣ двѣнадцатаго часа ночи, проплывавъ по заливу восемь съ половиной часовъ.

Въ своей квартирѣ я встрѣтилъ незнакомыхъ мнѣ лицъ, которые сказали мнѣ, что въ квартирѣ былъ пожаръ, и только своевременно оказанная помощь спасла мое имущество, которое оказалось поломаннымъ и попорченнымъ при спѣшной переноскѣ. Многихъ мелкихъ цѣнныхъ вещей (золотые часы, серьги, браслетъ и друг.) совсѣмъ не оказалось. Но я такъ несказанно былъ радъ своему возвращенію, что о потеряхъ

и порчахъ моментально забыль, не переставая славить, благодарить, хвалить и прославлять Премилосердаго Бога за свое спасеніе.

Наступившія нынѣшнія метели разбудили во мнѣ воспоминанія о тѣхъ ужасахъ, которые пережилъ я въ памятную страшную ночь, и напомнили Высочайше утвержденное опредѣленіе Св. Прав. Синода, гласящее слѣдующее: „Во время вьюгъ и метелей, по согласію сельскаго начальства съ церковнымъ причтомъ, долженъ быть, по Высочайшему повелѣнію, производимъ охранительный для путешествующихъ звонъ днемъ и ночью, до тѣхъ поръ, пока буря не стихнетъ. Для отличія же отъ благовѣста къ богослуженію и отъ пожарнаго набата, метельный звонъ производится не постоянно, но прерывисто, съ нѣкоторыми промежутками времени. Производство этого звона должно быть возложено на церковнаго сторожа, въ помощь которому мѣстное начальство обязано назначить нѣсколько человѣкъ для удобства и безопасности. При церквахъ, находящихся по берегамъ морей и озеръ Ладожскаго и Онежскаго, звонъ на колокольняхъ долженъ производиться не только въ метели и вьюги, но и во время тумановъ и всякой пасмурности, закрывающей морской берегъ“. (Выс. утв. опред. Св. Синода 6 Февр. 1893 г. Цер. Вѣд. 1893 г. № 10).

Благовременное распоряженіе коменданта форта „Алексѣевскій“ (возлѣ Кронштадта), покойнаго полковника Александрова, приказавшаго подавать сигналы свистомъ бывшаго въ его вѣдѣніи паровика, спасло немало людей, заблудившихся въ памятную метель;—подобное же распоряженіе по Кронштадту и Ораніенбауму спасло бы всѣхъ погибшихъ въ ту страшную ночь.

Прот. *Г. Невдачинъ*, настоятель Кронштадтскаго Артиллерійск. собора.